

Сказки старого Вильнюса

Автор:

Макс Фрай

Сказки старого Вильнюса

Макс Фрай

Сказки старого Вильнюса #1

В Старом Городе Вильнюса 108 улиц, и на каждой что-нибудь да происходит. Здесь бродят пингвины, единороги, нарисованные коты и тени наших мертвых друзей, полиция всегда готова защитить граждан от страшных снов, неведомые голоса дают ответы на самые важные вопросы, скучные с виду старики носят в портфелях драконов, время легко поворачивается вспять, ветер рассказывает удивительные истории, а местные божества играют в нарды, сделав ставкой погоду на ближайшие полчаса.

В книге присутствует ненормативная лексика.

Макс Фрай

Сказки старого Вильнюса

Книга публикуется в авторской редакции

© Рената Магзумова, иллюстрации

© Макс Фрай, текст

* * *

Улица Ашмянос (A?menos g.)

На сдачу

– ...и еще акрил в больших банках, – говорит ненасытный Тони, – да-да, все цвета, кроме краплака. И кисти. Нет, не эти, а вон те. Первый, второй, третий и нулевку. И, может быть... да, вот такой мастихин. И еще такой. А это у нас что вон на той полке?..

Пока мы пакуем добычу в рюкзаки, маленькая седая продавщица суетливо роется в кассе, как птица в кормушке, ищет там сдачу с Тониной двухсотлитовой купюры.

– Мелочи совсем нет, – наконец вздыхает она. – Может быть, возьмете на сдачу?

Кладет на прилавок коробку с цветными мелками. Не пастельными, не восковыми даже, а обычными, которые только и годятся на школьной доске рисовать. И, конечно, на асфальте.

Мне не до мелков, я пытаюсь застегнуть рюкзак, а Тони рассеянно сует коробку в карман. Продавщица, убедившись, что проблема со сдачей улажена, расплывается в улыбке.

– Вот и хорошо, – говорит она нам вслед. – Детям подарите, пусть рисуют.

Ни у Тони, ни у меня нет детей. Но эту информацию мы оставляем при себе, чтобы не разочаровывать маленькую седую птичку.

За порогом сияют целых два солнца – небесное и его отражение в серебристо-синей луже, разлившейся на всю проезжую часть. И дует ветер, по-весеннему теплый и такой сильный, что мы сразу же оставляем попытки самостоятельно выбрать дальнейший маршрут и разворачиваемся так, чтобы он дул нам в спину.

– Солнечный ветер, – говорит Тони. И щурится, как довольный кот.

Мы сворачиваем за угол, на улицу Ашмянос, а там, гляди-ка, почти никакого ветра. И мы, конечно, сразу же вспоминаем, что давным-давно хотели покурить. Еще до того, как зашли в лавку. А уж теперь-то как хотим, слов нет.

Тони возится с машинкой для набивки сигарет и трепетными пустыми гильзами, а я слоняюсь вокруг, всем своим видом изображая моральную поддержку. И, конечно, глазею по сторонам, по старой привычке кадрирую окружающий мир – клац, клац, клац.

– Смотри, – говорю, принимая из Тониных рук сигарету, – кому-то явно не дали поиграть в «классики».

– Дорисовать – и то не дали, – кивает он.

Тротуар и правда расчерчен на квадраты, а вписать в них соответствующие цифры неведомый художник уже не успел. То ли обедать позвали, то ли просто дали по ушам за порчу общественного асфальта.

Зато нам, счастливым великовозрастным дуракам, закон не писан. Нас уже давно никто не зовет обедать. И по ушам нам не очень-то надаешь, до них сперва еще поди допрыгни.

Опьянев от внезапно (лет тридцать назад) наступившей и все еще восхитительной вседозволенности, солнечного ветра, табачного дыма и тяжести набитого красками рюкзака, я вытаскиваю из Тониного кармана коробку с мелками, сажусь на корточки возле первой клетки, намереваясь написать там большую цифру 1. Ярко-синюю, как небо в лужах под нашими ногами, или желтую, как веселое весеннее солнце, или зеленую, как будущая, невидимая пока листва, или красную, как Тонина старая куртка. Но, взяв в руки мелок, тут же забываю о первоначальном замысле и зачем-то закрашиваю синим всю клетку. Не удовлетворившись достигнутым, вытряхиваю из коробки

остальные мелки и начинаю рисовать рыб. Потому что синяя клетка – это, конечно же, море. Судя по яркой окраске рыб, Красное. Например. Впрочем, несколько минут спустя, рыбы мои принимают очертания столь причудливые, что море теперь явно придется передать в дар инопланетянам. Пусть они с этими рыбами договариваются о совместном существовании. Потому что человечество в моем лице – пас.

– Ух ты, – говорит Тони.

Он уже выбросил докуренную сигарету и рвется в бой. Ему только повод дай.

Вторую клетку Тони уверенно штрихует зеленым и синим, и мне заранее ясно, что это будет Венеция, на которой он совершенно помешан, вот и разноцветные дома поднимаются из воды, но вместо гондол и моторных лодок пейзаж внезапно заполняется крылатыми существами, похожими одновременно на людей и на лис.

– Мать божья, это кто такие? – изумленно спрашиваю я. Тони смеется:

– Понятия не имею. Сами пришли и захотели быть. Мое дело маленькое.

– Ладно, пусть тогда мои рыбы живут в их воде, – говорю я. – Они, по-моему, друг другу подходят.

– Вполне, – соглашается Тони, переставляя коробку с мелками так, чтобы мне тоже было удобно их брать.

Третью и четвертую клетки мы разрисовываем одновременно, можно сказать, наперегонки. Тони, конечно, выходит победителем – все-таки профессионал. Поднимается, разгибает спину, потягивается, с явным удовольствием разглядывает результат.

– Ух ты! А у тебя это что? – спрашивает он.

– Наверное, карта города, – неуверенно говорю я, откладывая в сторону фиолетовый мелок. – Ну точно, карта. Такая, знаешь, схема маршрутов для туристов. Ее каждый день рисуют на городской стене. А ночью идет дождь

и смывает рисунок. Поэтому по утрам приходит дежурный художник и рисует новую карту. Он, конечно, не очень-то помнит, что было на вчерашнем рисунке, да и не старается вспомнить, а просто чертит, как бог на душу положит. Но туристы все равно могут ею пользоваться: пока художник рисует новую карту, город меняется в полном соответствии с ней.

– Тогда художников должно быть двое, – говорит Тони. – Во-первых, нельзя человеку работать без выходных. А во-вторых, так еще больше перемен и путаницы. И все довольны.

Его картинка в четвертой клетке полностью соответствует этому утверждению. На ней два чрезвычайно довольных крылатых человека-лиса, немного – насколько это возможно с их лисьими мордами – похожие на нас, парят над своим городом-озером с большими красными кружками в руках.

– Они наверняка пьют кофе, – говорю я.

– Конечно. Как бы ты ни выглядел и где бы ни жил, а без кофе никак нельзя.

Мы бы тоже могли сейчас отправиться пить кофе – собственно, мы и собирались – но вместо этого Тони начинает сворачивать очередную сигарету, а я – разрисовывать пятую по счету клетку. Совершенно невозможно остановиться.

– Что это? – спрашивает Тони. – Очень красиво, но ни черта не понятно.

– Наверное, – говорю я, – это такая книга. Вернее, то, что у них вместо книг. Когда постоянно летаешь над водой, очень здорово, если в ней отражаются всякие интересные штуки. Например, книжки с картинками, которые в такой непростой ситуации лучше сразу писать на облаках. Причем в зеркальном виде. Чтобы отражались уже как надо.

– Ладно, – кивает Тони. Отдает мне сигарету, отбирает мелки и, пока я перевожу дух, быстро-быстро рисует в шестой клетке летающих писателей, старательно покрывающих облака письменами.

– Ага, именно так они и работают, – киваю я.

И принимаюсь за седьмую клетку, а Тони достается восьмая.

Я рисую потоки разноцветного ветра над густой чернотой прибрежных плодовых садов, а Тони корпит над главной площадью, где высажены подводные деревья, настолько высокие, что в их поднявшихся над поверхностью озера ветвях могут отдохнуть усталые летуны.

В девятой клетке я рисую мост, но не между берегами, а между землей и небом. В точности как Старый Лондонский мост, он застроен домами, по крайней мере, на обозримом участке, а что делается выше, за облаками, я не знаю. Куда уж мне.

Тони еще рисует, поэтому сигареты для нас сворачиваю я. Закончив последнюю, десятую клетку, он берет у меня самокрутку и, забыв прикурить, замирает, уставившись в небо. А я озадаченно разглядываю его картинку. Наконец спрашиваю:

– Слушай, а что это?

– Наверное, карта, – улыбается Тони. – Но не города, как у тебя была. А как туда добраться. В смысле отсюда. Ну, если вдруг приспичит. Мало ли что.

– Ого, – говорю я, всматриваясь в рисунок. И повторяю: – Ого.

А что тут еще скажешь.

Мы сидим прямо на бордюре и курим. Нам, по правде говоря, довольно зябко, потому что наш приятель ветер снова тут как тут. Пока мы рисовали, он отдохнул и теперь готов дуть сколько угодно.

Нам, если по уму, следовало бы оторвать задницы от холодного тротуара и бегом бежать в ближайшую кофейню или сразу домой. Но мы так устали, что пока можем только курить на ледяном солнечном ветру и блаженно улыбаться, глаза на причудливое дело своих рук.

Из соседнего двора выходит девочка лет семи. Рыжая девочка в старом красном пальто, достаточно пухлая, чтобы заслужить во дворе прозвище «бомба» или что-то в таком роде. У девочки коса до пояса, круглые зеленые глаза, упрямый лоб и такой волевой подбородок, что не хотелось бы мне оказаться на месте ее гипотетических обидчиков. В левой руке у девочки серая вязаная шапка, которую она только что сняла с растрепанной своей головы, в правой – круглая плоская белая коробочка, которую вполне можно использовать как биту. На лице у девочки крупными буквами написано неслышимое намерение немедленно поиграть в классики, которые она сама так старательно чертила перед обедом, чтобы были только ее, чтобы никто не мешал прыгать и не смеялся над промахами.

Увидев наши с Тони рисунки, девочка изумленно замирает. Секунд на пять, не больше. Потом кладет биту на первую клетку, прямо на голову одной из моих рыб. И начинает прыгать.

Девочка прыгает очень аккуратно. Подолгу стоит в каждой клетке, примеряясь к следующему прыжку. Она старается – не то по возможности сохранить картинку, не то просто добиться идеальной точности движений. Ей, похоже, вполне удастся и то и другое.

Добравшись до девятой клетки, девочка замирает и внимательно разглядывает десятую. Наконец вместо того, чтобы прыгать, носком цветастого резинового сапога осторожно подталкивает биту к границе между клетками.

Вот бита уже подползла к меловой черте. И потихоньку двинулась дальше. Вот... Черт, да где же она?

Толстая девочка в красном пальто стоит в девятой клетке, на моем мосту между землей и небом. И озадаченно разглядывает десятую, в которой нет ничего, кроме Тониного рисунка. Белая плоская коробочка никак не могла потеряться на его фоне. Тем не менее, ее там нет.

Девочка роняет на землю свою серую шапку. Машинально сует в рот кончик длинной косы. Думает. Садится на корточки, внимательно смотрит на картинку. Осторожно трогает ее рукой. Наконец поднимается и делает шаг вперед.

Мы с Тони глядим на нее как замороженные.

Улица Басанавичяус (J. Basanaviciaus g.)

Шесть комнат

Шесть отдельных комнат, одна из них угловая, с двумя окнами – на север и на восток. Две – просто на север, три – на юг, одна из южных – с балконом. И ни одного окна на запад, так почему-то получилось.

Не слишком много жилищ успел сменить за сорок с лишним лет; были еще, конечно, гостиницы, десятки почти одинаковых чистеньких спален, но они не в счет. Поэтому – всего шесть комнат.

Не раз спрашивал себя, откуда вообще взялась эта идея. Где-то вычитал? Слышал краем уха? Приснилось? Видел в кино? Наконец вспомнил: да сам же и придумал, давным-давно, когда давал первое в жизни интервью. Ну, строго говоря, второе, но поскольку дал их в тот день чуть ли не дюжину, одно за другим, так и не выпустив из рук чашку с остывшим кофе, за которую держался, как за спасательный круг, можно считать, что все это было одно почти бесконечное первое в жизни интервью. Журналистов интересовало мнение юного автора лучшего архитектурного проекта года практически по всем вопросам, включая грядущие парламентские выборы и очередной конец света, твердо обещанный всем заинтересованным лицам уже в августе. А свежеиспеченная знаменитость думала только об одном: главное, не ляпнуть сейчас прилюдно, что идея участвовать в конкурсе и сам проект были просто слишком далеко зашедшей шуткой. Подобные признания нельзя делать ни в коем случае. Особенно когда они правдивы.

Отвечать на бессмысленные вопросы поначалу было забавно, но через четверть часа надоело, и тут милая девушка в голубой вязаной шапочке вдруг спросила: «А какой идеальный дом вы бы построили для себя?» Из-под шапочки выбивались каштановые локоны; девушка была чертовски хороша, из числа тех, кому хочется понравиться, даже если не планируешь продолжить знакомство, а вопрос, хоть и банальный, давал возможность распустить хвост. Принялся вдохновенно рассуждать: дескать, непосредственно к архитектуре и дизайну

интерьера это вообще никакого отношения не имеет, потому что идеальный дом для человека – это дом его детства. Впрочем, почему только детства?

Идеальный дом – это сумма всех комнат, где тебе хорошо жилось. Тут же подсчитал: на сегодняшний день в моем идеальном доме было бы всего три очень скромно обставленные комнаты, но это, конечно, просто вопрос времени.

Время добавило к трем комнатам еще три, обставленные много лучше. То есть не как попало, а соответственно вкусу и необходимости. В сумме вышло шесть отдельных комнат, одна из них угловая, с двумя окнами – на север и на восток. Две – просто на север, три – на юг, одна из южных – с балконом.

...Но тогда это, конечно, была просто досужая болтовня, предназначенная симпатичной шатенке в голубой шапочке. В голову не пришло бы затевать что-то подобное. Разве что по просьбе заказчика, но где такого найдешь.

Однажды, давно, кажется, еще до премии за лучший проект и увлекательных перемен, которые за нею воспоследовали, приятели завели разговор: кто чем стал бы заниматься, если бы внезапно, без усилий разбогател? Выигрыш в лотерею, клад, наследство, бесхозный чемодан с купюрами в лифте, душевная дружба с горными гномами – неважно. Чем бы занялся, если бы отпала необходимость зарабатывать – вот вопрос! Сказал тогда, не задумываясь: да все тем же и занимался бы, только работать пришлось бы гораздо больше, потому что на самые интересные проекты вечно не найти денег, а если бы они у меня были – о-о-о, тогда...

«Выходит, ты очень счастливый человек», – изумился кто-то из приятелей. Пожал плечами: «Да, наверное». Никогда не задумывался, счастлив или нет. «Счастливый» – это просто слово, поди угадай, каким значением наделил его говорящий. С остальными словами, впрочем, та же беда. То ли дело стены, крыша, окна, двери, лестницы, пол, фасад, коммуникации, фундамент. Дом.

Очень любил дома. Всегда. С детства.

И женился-то, строго говоря, на доме. У Анны были великолепные ноги, зеленые глаза и живой насмешливый ум, но, самое главное, у нее был очень большой, старый, от деда унаследованный дом, отчаянно нуждавшийся в перестройке, и перспектива стать его хозяином оказалась настолько соблазнительной,

что Анне пришлось принять поспешно предложенные руку и сердце; позже она с удивлением вспоминала, что была не так уж влюблена, да и замуж особо не спешила, просто не смогла устоять перед столь сокрушительным напором.

Когда перед самой свадьбой внезапно выяснилось, что Анна гораздо богаче, чем можно было предположить, обрадовался: это означало, что денег на перестройку общего теперь дома хватит в любом случае, какие бы неприятные сюрпризы ни вылезли наружу в ходе работы. Иных корыстных соображений не возникло. Всегда считал, что бедность – это когда не хватает денег на текущий проект; богатство же представлялось восхитительной возможностью увеличивать смету по мере необходимости.

К тому времени, как почти пятилетняя работа над домом подошла к концу, Анна окончательно решила, что им следует какое-то время пожить врозь. И столь деликатно сформулировала свое предложение, что оно не вызвало внутреннего протеста, только практический вопрос: «какое-то время» – это сколько? Лет двадцать-тридцать-сорок? Так и думал.

Ладно, врозь так врозь. Детей нет, коту все равно, а дом уже приведен в безупречное состояние.

Можно было бы сказать: «расстались друзьями», но оба не умели дружить. Поэтому расстались приятелями. Разводиться поленились, отложили неприятные хлопоты на потом. На «какое-то время», что бы это ни означало.

А несколько лет спустя Анна умерла, и это оказалось не то чтобы печально, а просто нелепо. Дико, неправдоподобно. Анна – и вдруг умерла. Не говорите глупости. Так не бывает. Кто угодно, только не Анна. Плохо вы ее знаете.

Так и сказал, когда позвонили, чтобы сообщить дату и место похорон. И продолжал говорить, положив трубку, спорил с незримым, непостижимым и неопределенным собеседником, который лишь снисходительно посмеивался в ответ – свой единственный, но сокрушительный козырь он уже выложил.

И потом еще долго думал: это какая-то ошибка. Или дурацкий розыгрыш. Вообще-то Анна никогда так глупо не шутила, но у всех бывают минуты слабости. И чего только мы в такие минуты ни творим.

На похороны, впрочем, поехал. Но это ничего не изменило.

Когда выяснил, что стал не только вдовцом, но и богатым наследником, почти рассердился. Завещание она, видите ли, написала. Оставила мужу почти все, кроме дома, который отошел к двоюродной тетке; кто бы мог подумать, что Анна настолько ревнива. Вот тебе куча денег, дорогой, но дом, который любил вместо того, чтобы любить меня, ты не получишь – съел? И ни письма, ни даже короткой прощальной записки. Живи теперь как дурак, не поговорив напоследок, чего-то очень важного не узнав и не поняв – об Анне, о себе и, наверное, о жизни.

Думал: удивительное дело, столько времени обходился двумя-тремя свиданиями в год и совершенно не скучал без нее в промежутках, а теперь, когда Анна умерла, мир вдруг опустел и утратил – не весь смысл, конечно, но очень важную его часть. И при чем тут какие-то дурацкие деньги.

Деньги однако от подобных размышлений никуда не делись. Преспокойно лежали на счету, ждали своего часа. Тратить их не хотелось. И вообще ничего. Даже работал вполсилы, скорее по инерции, а это уже ни в какие ворота. Сам не знал, почему так стало. «Кризис среднего возраста», – понимающе говорили знакомые и давали телефоны хороших, проверенных психотерапевтов. Несколько раз даже ходил, скорее из любопытства, чем в надежде получить помощь. Все психотерапевты как один оказались милыми людьми, с такими, наверное, приятно дружить, встречаться раз в неделю за бокалом вина, смотреть кино, сплетничать о знакомых, советоваться о житейских делах, обсуждать прочитанные книги, несколько раз вместе съездить в отпуск, складчину арендовать просторный дом у моря, по очереди вести автомобиль, приветливо здороваться по утрам на общей кухне, снисходительно прощать внезапно проявившиеся дурацкие привычки, не раздражаться, не раздражать.

Однако вернуть не то утраченный, не то с самого начала отсутствовавший смысл эти люди явно не могли. Разве только, научить без него обходиться. А это – не вариант.

Думал: моя жизнь оказалась похожа на лето, проведенное в городе, когда работы по уши, и вечеринки чуть ли не каждую ночь, и, предположим, еще кинофестиваль, который нельзя пропустить, и длинноногие девушки на верандах уличных кафе совсем не прочь познакомиться, и кружишься в этом

веселом вихре, самоуверенно полагая, что ты сам и есть вихрь, а потом оказывается, что август уже на исходе, ночи стали длинными и холодными, а подоконник усыпан опавшими с неба сухими колючими звездами. И все бы ничего, но вдруг вспоминаешь, что ни разу не выбрался на рынок за спелыми вишнями, даже в соседском саду ни одной не сорвал, хотя каждый день ходил мимо. И вроде понимаешь, что ерунда, вишня – это просто вишня, кисло-сладкая сезонная ягода, обычная еда, что за блажь, но обидно до слез, потому что, если не было вишен, значит, и лета толком не было, у всех вокруг было, а у тебя – нет, и в предпоследний день августа это уже не исправить, время немилосердно, проехали, баста.

Думал: время немилосердно, с самого первого дня оно начинает перемалывать нас в своих жерновах и уже никогда не останавливается. Поначалу действует осторожно, старается не беспокоить, но в какой-то момент дает себе волю, несется во весь опор – чего церемониться, все равно никуда не денетесь, привыкайте, теперь всегда будет так. И когда хруст костей в его жерновах становится настолько громок, что собственного голоса уже не слышишь, это называют «кризисом среднего возраста» и дают тебе телефоны специалистов. Обычных людей, как и ты, уже перемолотых в пыль больше, чем наполовину, чем они могут помочь. Лучшее, что можно сделать в такой момент, – найти какое-нибудь захватывающее занятие, чтобы отвлечься от невыносимого, которое нельзя прекратить.

Думал: а ведь у меня такое занятие есть. Всегда было. Прежде я за работой не только о времени, о самом себе забывал. А теперь она, выходит, приелась?

Ну уж нет, так не пойдет.

Стал перебирать нереализованные старые задумки. Те, под которые так и не удалось найти заказчика. Самые, ясное дело, лучшие. Но особого энтузиазма не вызывали и они. И вдруг вспомнил: идеальный дом как сумма комнат, где человеку хорошо жилось. Смешная идея. Слишком простая концепция, слишком сложная реализация, да и кому это нужно. Совершенно не представляю такого заказчика. Кто этот псих, что творится у него в голове?

Внезапно ухмыльнулся: да это же я сам и есть. Приятно познакомиться, поздравляю с отличным контрактом. Вменяемый, покладистый, богатый

заказчик, который точно знает, чего хочет, где еще такого найдешь. Ну-ка, ну-ка, сколько комнат у нас наберется?

Составил список. Комната в родительском доме, где жил с раннего детства до окончания школы. Комната в большой холодной квартире, которую снимал студентом вскладчину с еще тремя товарищами. Маленькая квартирка-студия в мансарде, где поселился, как только получил первую в жизни работу. Другая студия, больше и гораздо дороже, типичная «стильная квартира преуспевающего холостяка» из глянцевого журнала, куда переехал, когда дела пошли в гору. Кабинет в Аннином доме, любовно доведенный до абсолютного совершенства за несколько дней до того, как пришлось навсегда оттуда уехать. Наконец, нынешнее жилье, тщательно продуманное и обустроенное, идеальное рабочее место, увы, не прибавляющее вдохновения, зато мгновенно приводящее в порядок голову, в сколь бы прискорбном состоянии ума туда ни вошел, а это уже немало.

Подумал: надо же, получается, я был вполне счастлив везде, где жил. Ладно, положим, «счастлив», «несчастлив» – не разговор, вряд ли хоть кто-то четко представляет, что это такое. Но у меня совершенно точно была очень хорошая жизнь, а я, дурак, не заметил. Ну хоть сейчас, задним числом, начал что-то понимать. Жаль, конечно, что прожить эти дни еще раз, теперь, когда я точно знаю, что они были прекрасны, мне никто не даст. Нечестно. Даже на экзаменах по вождению дают две попытки, а жить-то всяко сложнее, чем управлять автомобилем. И там, на небесах, должны бы это понимать.

Впрочем, ладно. Нет, так нет.

Подвел черту: итого, шесть отдельных комнат, одна из них угловая, с двумя окнами – на север и на восток. Две – просто на север, три – на юг, одна из южных – с балконом. Ха! Поди еще найди такое помещение. Совершенно нереальная задача.

И наконец-то почувствовал настоящий азарт.

Теоретически существовал очень простой выход: купить участок земли и построить дом с необходимым количеством комнат и окон. Но это казалось неправильным. Всю жизнь жил в больших городах, в многоквартирных домах,

разве только Аннин дом стал исключением, но и он стоял на одной из центральных улиц, зажатый между стенами соседних зданий, и был столь велик, что, при желании, его можно было поделить между несколькими семьями.

Поразмыслив, решил все-таки искать подходящую квартиру. Шансы невелики, но тем лучше. Пусть будет что-то вроде лотереи. Найдется подходящее помещение – хорошо. Не найдется, значит, не буду этим заниматься. Придумаю что-нибудь еще.

Без Лайме, конечно, ничего бы не вышло.

Лайме был приятель настолько старинный, что ему уже давно следовало бы присвоить звание друга – за выслугу лет. Лайме был риелтор, да не простой, а золотой, в точности как яйцо сказочной курицы, и услуги его стоили соответственно.

Позвонил ему, сказал: нужна квартира. Обязательные требования: шесть отдельных комнат, одна из них угловая, с двумя окнами – на север и на восток. Две – просто на север, три – на юг, одна из южных – с балконом. Подумав, добавил: и пусть будет последний этаж, всю жизнь жил на самом верху, привык, что между мною и небом – никого, глупо было бы это менять... В каком городе? А знаешь, почти все равно. Нет, на другой континент я ехать пока не готов. Где-нибудь в Европе, северной или центральной, не люблю слишком жаркое лето. Начни со столиц и просто больших городов с аэропортами, чтобы удобно, у меня же вечно дела черт знает где.

Почти полгода спустя, когда уже начал подозревать, что всемогущий Лайме счел заказ мимолетным капризом, не стоящим времени и усилий, тот вдруг принялся регулярно названивать, предлагать варианты. Несколько совершенно негодных: то комнат всего пять, то, напротив, восемь, то одна из них окнами на запад, то все на север, то три балкона вместо одного, даже смотреть не имело смысла. И вдруг, как гром с ясного неба: похоже, в Вильнюсе есть ровно то, что ты ищешь. Правда, это не одна квартира, а три. Все на одном этаже, других соседей нет, общий коридор отделен от лестницы дверью. Хороший кирпичный дом, десять минут пешком до Старого Города. Но учти, самая большая квартира в жутком состоянии, там, прикинь, три поколения алкоголиков уже не один

десяток лет живут большой дружной семьей, даже канализацию до сих пор не провели, так и ходят в ведро, мой агент чуть в обморок не грохнулся, когда туда вошел, бедный мальчик; зато и продадут этот кошмар за гроши, им лишь бы поскорей, пока за долги не выселили. Но владельцы однокомнатной, напротив, заломили совершенно несуразную цену, в Лондоне такую купить дешевле обойдется. Их соседи уже два года ищут покупателя, а эти вовсе не планировали съезжать, но когда поняли, что нам очень надо, решили, что это шанс озолотиться. Ну, их право... Будешь смотреть? Все-таки Литва. Не самый край света, но ощутимый шаг в том направлении. Ты хоть примерно представляешь, где это?

Сказал: да. Очень хорошо представляю. Спросил: когда можно смотреть? И заказал билет.

Город оказался невелик – из аэропорта в центр ехали всего десять минут, подолгу простаивая на светофорах – и неожиданно обаятелен. Мариус, местный агент Лайме, был обескураживающе юн и румян, через облачные прорехи на землю проливался чистый перламутровый свет, палисадники и балконы утопали в цветах, по улицам ходили девушки с прозрачными русалочьими глазами и вальяжные, сытые, ярко раскрашенные коты.

Свернули на улицу Басанавичяус, припарковались напротив старого кирпичного дома. Поднимаясь на третий этаж, почти оглох от грохота собственного сердца – так волновался. Вдруг страстно захотел, чтобы все получилось – не когда-нибудь, неведомо где, а здесь и сейчас, точка.

Внимательно осмотрел все три квартиры: трехкомнатную, двухкомнатную и просторную светлую студию, немного похожую на его жилье эпохи знакомства с Анной. В сумме – шесть отдельных комнат, одна из них угловая, с двумя окнами – на север и на восток. Две – просто на север, три – на юг, одна из южных – с балконом. Именно то, что надо.

Пока улаживали формальности с покупками, с утра до ночи шатался по городу, предполагая, что потом станет не до прогулок. Очень уж много работы предстоит. Упоительной, захватывающей, тяжелой работы. Спасибо, Господи, какое счастье.

Поселился в маленькой гостинице по соседству со своим будущим домом; как только освободилась студия, переехал туда. Стал спать по двенадцать часов. Такие хорошие снились там сны, что бодрствовать, пока не началась работа, казалось расточительством. Но все же приходилось – хотя бы полдня. Впрочем, грех жаловаться, бодрствующий человек, хоть и скован по рукам и ногам цепями причинно-следственных связей, а все равно может спуститься вниз с холма в Старый Город, дойти до места пересечения двух рек, большого Нериса и маленькой Вильняле, где, согласно легенде, когда-то переночевал князь Гедиминас, увидел во сне железного волка и так впечатлился, что начал строить город. Садился прямо в траву, смотрел на текущую воду, думал: пожалуй, я бы и сам построил тут город, если бы князь не опередил меня по волчьему наущению. И правильно сделал, хорошо у них с волком получилось, молодцы, что тут скажешь.

Часами бродил по Старому городу, разглядывал дома, хитростью проникал в запертые дворы и подъезды, смотрел, зарисовывал, запоминал. Втерся в доверие к студентам Художественной Академии, нашел среди них знатока потаенных лазеек на городские крыши. Был благодарным экскурсантом, улыбчивым и молчаливым, гладил теплую от солнца старую черепицу, взирал на город с высоты воробьиного полета, обнимался с печными трубами, расчувствовавшись, шептал бесхозным котам: «Мы с тобой одной крови». Коты, похоже, опознавали цитату и снисходительно кивали в ответ. Думал – кому как не мне разгадать тайну обаяния этого города, вывести формулу его неброской, неочевидной, дурманящей кровь красоты? Но быстро понял: это никому, никогда не удастся. И мне тоже. Да будет так.

Подолгу сидел в кафе, покупал пряности и чай в лавках, ходил за медом и малиной на маленький, работающий только по четвергам, рынок у реки. Стремительно обзаводился привычками и предпочтениями, обрастал вещами и знакомыми, пускал корни. Посмеивался над собой – ишь, спохватился – но в глубине души был доволен.

Маленькая старушка на рынке шепотом предложила купить самодельные «туфли для сна» из мягкого войлока. Объяснила: у них на подошвах особые знаки, чтобы оставлять отчетливые следы в любом, самом смутном сновидении. Очень полезно для того, кто желает гарантированно проснуться в собственной постели, что бы ни приснилось. Подивился столь причудливой фантазии, но туфли купил. Говорил себе, что просто захотел помочь старушке, поддержать ее удивительный бизнес. Однако спать без этих войлочных тапочек с того дня

не ложился. Очень уж теплые оказались. Удачная покупка.

Когда впервые уехал из Вильнюса по делам, чувствовал себя так неприкаянно, что вернулся, как только позволили обстоятельства, то есть на три дня раньше намеченного срока, с лихвой переплатив за обмен билета, с двумя неудобными пересадками, в Вене и Риге, неважно, лишь бы скорее домой. Домой. Ну надо же.

Наконец съехали последние жильцы. Можно было приниматься за работу.

Самое время. Сил вдруг стало столько, что ходил, почти не касаясь земли, обгонял собственные отражения в витринах, а пустую кофейную чашку ставил на стол за несколько секунд до первого глотка. Рабочие, нанятые крушить старые стены и воздвигать новые, приближая размеры комнат к далеким образцам, утверждали, что босс обладает крайне неприятной для наемного люда способностью находиться в двух помещениях одновременно и при этом ясно видеть, что творится в третьем.

Сочувственно посмеивался, слушая их сетования, но спуску не давал никому. Себе – в первую очередь.

...Как и предполагал с самого начала, труднее всего было с детской. Одни обои чего стоили.

Эти зеленые обои привез в подарок дядя из Германии. На обоях были нарисованы огромные мухоморы, переделанные в жилые дома – с дверями, окнами, печными трубами, торчащими из шляпок. Обитатели грибных жилищ – толстые ежи в атласных жилетах, ежики в крахмальных передниках, солидные зайцы в сюртуках, зайчихи в легкомысленных чепцах с лентами, франтоватые божьи коровки в котелках и нескладные очкастые кузнечики – выглядывали из-за кружевных занавесок, курили трубки на крыльце, устраивали пикники во дворах и плясали на кривых тропинках среди гигантских ромашек. Поди отыщи такую красоту сорок лет спустя.

Долго надеялся на чудо, поставил на уши кучу знакомых из разных стран, но ничего похожего на обои с грибными домиками так и не нашел. Пришлось

рисовать эскиз по памяти. Примерно через месяц стало получаться более-менее похоже, но все равно явственно не так – то ли цвета, то ли пропорции, то ли выражение заячьих физиономий. А скорее всего, все сразу.

Только и думал, что об этих обоях. Каждый вечер перед сном, как бы ни устал за день, понемногу ковырял эскиз. Посмеиваясь над собой, сочинял шуточные проклятия покойному уже дяде – ну, удружил ты племянничку своим подарком! Чтоб тебе теперь до Страшного Суда с упитанными зайчихами плясать на лужайке. И после, согласно приговору. Райские кущи строгого режима – вот что тебя ждет, счастливец.

В надежде на подсказку скупал на интернет-барахолках старые немецкие открытки, журналы, иллюстрированные детские книжки тех лет и прочий ностальгический хлам.

Подсказка неожиданно пришла во сне. Много раз слышал истории о том, как разные люди находили во сне решения сложных задач, пожимал плечами – какая ерунда. И вдруг приснилась белая дверь детской, коричневый линолеум, плотная штора цвета красной охры, неровный край тонкой тюлевой занавески, низкая деревянная кровать, застеленная когда-то синим, а теперь выцветшим до пасмурно-голубого покрывалом. В углу большая картонная коробка, выкрашенная в красный цвет – для игрушек, и еще одна, синяя, для книг. У окна старый двухтумбовый письменный стол темного дерева, слишком большой для ребенка, работать за ним стало удобно только за пару лет до окончания школы. На одном из ящиков стола овальная переводная картинка, серьезная девушка с голубой лентой в каштановых волосах. С удивлением вспомнил: а ведь мы с ней дружили, ни одного секрета не было у меня от этой девчонки, и как же она умела утешать, даром что ни слова не говорила. Долго думал, она – фея из волшебной страны, специально поселилась в столе, чтобы составить мне компанию, такая молодец. На одной из стен – полдюжины самодельных бумажных марионеток, их рисовали и клеили вместе с отцом. Надо же, совсем запамятовал, а ведь наиважнейшая деталь, как и девушка с голубой лентой. А думал, проблема только с обоями.

Проснувшись, бросился рисовать, пока не забыл. Зрительная память всегда была цепкая, некоторые коллеги завистливо говорили: «феноменальная», но тут все-таки сон, а сны прежде не запоминал никогда, даже в общих чертах, не то что в деталях.

Оторвался от бумаги, только осознав, что позарез надо в туалет; вернувшись, посмотрел на часы и ахнул: четыре пополудни. А ведь подскочил на рассвете.

И даже кофе не успел выпить.

Эскиз обоев однако выглядел вполне удовлетворительно, а марионетки – и вовсе идеально, хоть сейчас вырезай. Сказал вслух: «Ну, пошло дело». Очень тихо сказал, хотя хотелось вопить от восторга, по пояс высунувшись в окно.

Так и поступил, но полгода спустя получил образец отпечатанных обоев. Они были не просто «как настоящие», а самые настоящие. Это казалось чудом; строго говоря, это и было чудом, поэтому, ликуя, распахнул окно и сотряс зимний воздух троекратным «ура».

Прохожие, впрочем, явили собой образец деликатности. Никто даже голову не поднял поглазеть на орущего психа. И ни одно облако пара, клубящегося у лица в морозный день, не изогнулось вопросительным знаком. Подумаешь, восторженные вопли, некоторые еще и не так чудят.

Дальше было проще. Даже старая переводная картинка, девушка с голубой лентой, нашлась у старичка-коллекционера, скучавшего в одном из дальних закутков блошиного рынка. Там же в свой срок объявилось синее покрывало, точная копия родительского; помочь ему еще больше выцвести и состариться – дело техники, не о чем говорить. Стол смастерили по эскизу, а унылый коричневый линолеум обнаружился в магазине стройматериалов на окраине, уж если везет, то везет.

Самодельные марионетки были готовы еще задолго до поклейки обоев. Но вешать их на стену не стал, положил в шкаф. Вдруг решил – будет здорово, если работа над всеми комнатами завершится одновременно. Это просто, всегда найдется какая-нибудь мелкая, но существенная деталь, которую можно припрятать, а потом, в самый последний день, установить на положенное место. Понятия не имел, зачем это нужно, но был доволен, что снова стал прислушиваться к интуиции, которую в юности небезосновательно считал важнейшим из своих достоинств, а потом как-то незаметно не то утратил, не то просто разучился различать в многоголосом внутреннем шуме.

В общей сложности работа над детской заняла больше года – с перерывами на другие дела, которых, впрочем, становилось все меньше. Честно закрывал старые обязательства, а новых старался избегать. Идея заниматься квартирой на улице Басанавичяус, как когда-то Анниным домом, в свободное от основной работы время теперь казалась нелепой. Потому что стоило начать, и сразу стало ясно, какая работа у нас нынче «основная». И хорошо, что так.

С остальными комнатами было много проще, чем с детской – в том смысле, что они охотно снились по мере необходимости, да еще и в нужном ракурсе – смотри, запоминай. На радостях стал мечтать о возможности брать с собой в свидение блокнот и карандаш, но не вышло. Хоть в изголовье их клади, хоть за пазуху прячь – не снятся, и все тут.

Впрочем, и так грех жаловаться. Если бы не эти сны, вряд ли вспомнил бы все плакаты и афиши, которыми оклеил двери комнаты, где жил студентом. И какое дурацкое оранжевое одеяло с жирафами, оказывается, служило верой и правдой все эти годы; одеяло, кстати, тоже пришлось делать на заказ, уникальная оказалась вещь.

И рисунки друзей на специально загрунтованных для этого стенах маленькой мансарды, тоже, как выяснилось, помнил лишь в общих чертах. И большие яркие пятна как бы пролитой краски, которыми декорировал там пол и мебель, тоже вряд ли воспроизвел бы. И совершенно вылетело из головы, что, скажем, в «стильной квартире преуспевающего холостяка» всюду валялись бумажные самолетик, которые крутил тогда, задумавшись, в промышленных масштабах, из всего, что подворачивалось под руку. А на подоконнике кабинета в Аннином доме сидел тряпичный медвежонок, сшитый из лоскутов. Анна постоянно мастерила таких мишек, говорила, это ее успокаивает. Неторопливо, вдумчиво подбирала цвета и узоры, набивала медвежат сухими травами, которые собирала в парке и вообще при всяком удобном случае, поэтому в ее спальне всегда пахло концом лета, солнечной пылью знойного августовского полудня и свежестью первых холодных ночей. И как же жаль, что нельзя с ней обо всем этом поговорить – теперь, когда весь мир, включая Анну и ее тряпичных медведей, стал вдруг совершенно непонятной, но чертовски важной штукой, шпионской шифровкой с инструкциями, ключ к которой безвозвратно утерян.

Сиди теперь, гадай, что тебе хотели сказать, эх ты, растяпа.

Знакомые, конечно, беспокоились. Вернее, любопытствовали. Расспрашивали – кто деликатно, кто бесцеремонно: куда ты подевался? Что у тебя стряслось? Почему застрял в Вильнюсе? Чем можно так долго заниматься в этой дыре? Медом тебе там намазано?

Говорить правду – дело неблагодарное и муторное. Особенно, когда сам ее толком не знаешь. На всем свете не было никого, кому можно рассказать про шесть отдельных комнат, одна из них угловая, с двумя окнами – на север и на восток. Две – просто на север, три – на юг, одна из южных – с балконом. Разве что той журналистке в голубой шапочке. Да где ее теперь найдешь. Поэтому говорил, что обзавелся тут подружкой, любовь у меня, со всеми такое бывает, ну.

По большому счету, про любовь – чистая правда. А подробности никого не касаются.

Имел все основания надеяться, что с проверкой никто не заявится. В этом смысле, квартира в Вильнюсе выгодно отличается от, скажем, дома в Провансе, купив который с ужасом обнаруживаешь, что у тебя внезапно появилось слишком много близких друзей, и все они очень соскучились. Никто и не заявился.

Работа заняла без малого пять лет. Только когда она подошла к концу, задним числом осознал, что взялся за совершенно невозможное. И каким-то образом сделал это самое невозможное – не отвлеченные фантазии на тему своих бывших жилищ, а их точные копии, самому не верится.

Бессмысленно спрашивать себя: и зачем это было нужно? Ради чего так старался? Когда делаешь невозможное, ответ на вопрос «зачем» очевиден: чтобы было. Потому что именно невозможным жив человек, что бы он сам об этом ни думал.

Вот и старался вообще не думать, только делать, работать, не покладая рук, радоваться, что получается, уставать, падать на постель, видеть сны, просыпаться счастливым и снова работать, вдыхать, выдыхать, быть.

В первый день лета твердо сказал себе: «готово». Повесил марионеток в детской, наклеил плакат «Led Zeppelin» на дверь студенческой комнаты, нарисовал яркую желтую кляксу на полу маленькой студии. Свернул бумажный самолетик из темно-синей салфетки, посадил на подоконник лоскутного медвежонка. В последней комнате повесил зеркальный шар, которым обзавелся, заскучав по Аннинному коту – ради солнечных зайчиков. Из них теоретически должны были получиться отличные домашние любимцы, забавные и необременительные.

Подмигнул своему кривому щекастому отражению – ну вот и все. Отражение подмигивать не стало. Сохраняло серьезность, смотрело внимательно, испытующе, словно бы пыталось разобраться, чьим двойником является и устраивает ли его такое положение дел.

Вдруг испугался. Сам толком не знал чего. Но так сильно, что выскочил на улицу, не переодевшись, хорошо хоть куртку машинально схватил в коридоре. Бумажник в одном из карманов позволил избавиться от грязной рабочей одежды в ближайшем магазине, а то неизвестно, как стал бы выкручиваться. Не факт, что смог бы заставить себя вернуться в дом хотя бы за деньгами и документами.

Две ночи провел в гостинице, первую почти не спал, на вторую уговорил себя принять снотворное, впервые за последние пять лет. Пока спал, страх бесследно исчез, так что наутро уже не мог понять, с какой стати сбежал из своего идеального дома, вместо того, чтобы сидеть там и праздновать окончание работы. Переутомился напоследок – вот единственное разумное объяснение.

Позавтракав, вернулся на улицу Басанавичяус. Зашел в дом, поднялся на свой третий этаж. Обошел все комнаты, не чувствуя ни страха, ни ликования, а лишь спокойное удовлетворение на совесть потрудившегося человека. Сделал, и хорошо. Теперь можно просто жить.

Вечером долго думал, в какой из комнат сегодня ночевать. Так и не смог выбрать, поэтому кинул кубик. Очень удобно: шесть граней, шесть комнат, нумерация в хронологическом порядке, можно не ломать голову.

Выпала единица – значит, в детской. Решил, что это логично.

Долго искал туфли для сна, но так и не нашел. Неужели выбросил вместе с мусором? Впрочем, чего еще ждать от человека, который всего пару дней назад шарахался от собственных отражений.

Лег спать босой.

Когда проснулся, комната была залита солнцем. Некоторое время валялся под одеялом, радуясь возможности вставать, когда захочется, а не по будильнику – вот что значит лето! Разглядывал рисунки на обоях. Если смотреть на них достаточно долго, звери начинают двигаться, ходить по тропинкам, раскланиваться с соседями, раскуривать трубки. Лучше любого мультфильма.

Лежал на спине, лицом кверху, скосив глаза так, чтобы видеть стену, и толстые ежи уже начали было приплясывать на поляне, когда внизу, во дворе неслаженно, вразнобой заорали: «Ты когда выйдешь?» Встал, подошел к распахнутому настежь окну, крикнул в ответ: «Через полчаса».

Улица Беатричес (Beatrices g.)

Белый человек

Еще утром знал, что сегодня все получится.

* * *

Нынче вечером, – пишет Анна, – я шла домой по улице Беатричес; собственно, как всегда. Она, если помнишь, совсем коротенькая, всего один квартал. И там

почти на углу, с правой стороны, если идти от цветочного рынка, есть кафе, совершенно дурацкое, терпеть его не могу, даже название до сих пор не запомнила. Точнее, вовсе его не знаю, потому что нарочно не смотрю на вывеску. Каждый день мимо хожу и всегда отворачиваюсь, чтобы случайно не прочитать, как будто не хочу заводить неподобающее знакомство, вот честное слово, как маленькая, самой смешно.

Летом у кафе появляется так называемая веранда. То есть хозяева выносят на улицу несколько пластиковых столов, вешают над входом большой телеэкран, и окрестный народец, что попроще, сползается смотреть спортивные программы под пиво. Совсем чудесное становится местечко, хоть каждый день крюка по набережной давай, лишь бы мимо не ходить.

Экран убрали еще в начале октября, а столики почему-то оставили снаружи, но там все равно никто не сидит. Кофе у них, судя по сочащемуся из щелей гнусному запаху, ядовитый, а пить пиво на улице уже слишком холодно, да и телевизор с футболом теперь внутри. Или с баскетболом? Ай, неважно.

Иногда кто-нибудь из завсегдатаев выскакивает покурить, присаживается на краешек стула, даже не смахнув влажные листья, а они все падают и падают, и ветер их почему-то не трогает, так что мебели уже давно не видно под пахучими сугробами прелого золота, и это, честно говоря, к лучшему. Ни к чему впечатлительным людям лишний раз на бурые пластиковые мощи смотреть. Целее будем.

Так вот.

Нынче вечером на веранде этого дурацкого кафе сидел человек. Явно не один из завсегдатаев. И вообще не «один из» – кого бы то ни было. Единственный в своем роде. Такой, что не захочешь, а все равно обратишь внимание. Не то очень смуглый, не то просто загорелый, при этом – яркий блондин. В белом, представь себе, пальто. Ты когда в последний раз видела мужчину в белом пальто? Вот и я что-то не припомню.

И такой сказочно прекрасный загорелый блондин в белом пальто сидел у пивного гадюшника на Беатричес, на пластиковом стуле, вернее в куче заваливших его желтых листьев, как в гнезде. И со стола листья не смел, прямо на них поставил ноутбук, такой же белоснежный, как пальто, по виду –

новенький, только что из упаковки. И сам он весь, целиком тоже был как будто только что из упаковки; дело даже не в том, что чистенький и отглаженный, а просто лицо такое, словно человек за всю жизнь еще ни одной дурной мысли подумать не успел, ни одной неприятности пережить, даже ни единого раздавленного машиной голубя на мостовой не видел. И вообще ничего, кроме желтых листьев, цветущих хризантем и, скажем, пенки над капучино. Которая, возможно, поначалу привела его в смятение. Но ненадолго.

Я вот сейчас перечитала написанное. И понимаю, что мои старания описать незнакомца выглядят довольно беспомощно. Но что делать, если человек из кафе на Беатричес был именно таков. То есть таково было мое впечатление, а как все обстоит на самом деле, мы с тобой вряд ли когда-нибудь узнаем.

А теперь – самое интересное.

Я, конечно, прошла мимо, как ни в чем не бывало. И рада бы постоять, поглазеть на этакое чудо, разинув рот, как деревенская дурочка, но у меня не было с собой ни леденца на палочке, ни тряпичной куклы, которую в подобных случаях принято держать за ногу, да и голова платком не повязана; в таких обстоятельствах пялиться, разинув рот, было бы грубой стилистической ошибкой.

Но в последний момент я все-таки обернулась поглядеть, что он там пишет. Нет, ну правда, я бы локти искусала, если бы упустила такой шанс. Я же дальнзоркая, ты знаешь, поэтому совсем уж беспардонно нависать над его головой не пришлось. Прошла пару шагов, быстренько обернулась, зырк – и все.

И, слушай, слушай же! Ты мне, наверное, не поверишь. Я бы на твоём месте точно решила – сочиняет. Но что хочешь, то и делай, а этот удивительный белый человек писал про меня. Дескать, мимо идет рыжая женщина в синем пальто, ей очень к лицу сумерки, – больше я ничего не успела разобрать. Но! Ты представляешь?!

Вооот.

Ради этой фразы я тебе все и рассказываю, просто невозможно удержаться, таких комплиментов мне сроду не делали. Сумерки к лицу, ну надо же, а. Мне определенно нравится быть женщиной, о которой такое написали. Всем

теперь буду рассказывать, никого не пощажу. Но ты, конечно, самая первая жертва.

Перечитала написанное. Осталась не слишком довольна. Могла бы что-нибудь поинтересней выдумать, честно говоря. С другой стороны, переписывать уже некогда, а в нашем случае любая ерунда лучше, чем ничего.

Когда каждый день пишешь длинные письма лучшей подруге, которая вот уже второй месяц лежит в больнице, фантазия постепенно начинает иссякать. А если рассказывать только о том, что действительно происходит, по-настоящему интересных событий и сильных впечатлений, в лучшем случае, на пару-тройку сложносочиненных предложений в неделю наберется. И то не факт.

...Обычно Анна пишет письма по вечерам и отправляет их часов в девять-десять. Так договорились. Руте нравится читать ее послания перед сном, когда в палатах гасят свет, в желтом вязком воздухе коридоров, как дохлые мухи в паутине, повисают приглушенные стенами стоны и всхрапывания, а в голову лезут такие мысли, что и здорового человека вполне могли бы угробить. И тут, конечно, телефон становится единственным – не развлечением даже, а натурально спасением. При условии, что в почтовом ящике обнаружится новое письмо. Хотя бы одно. Прожиточный минимум.

Ну и Анне гораздо проще писать вечером, потому что можно хоть как-то опираться на события дня. Искажать их до неузнаваемости, превращая рутинные дела в почти-приключения. Перевернуть сплетни о коллегах, пересказывать подслушанные в кафе и троллейбусах чужие разговоры; на худой конец можно болтать о погоде, эксцентричных старухах с цветочного рынка и пестрых дворовых кошках, главное – не злоупотреблять этим благодарным материалом, а то Рута совсем заскучает.

Однако сегодня вечером Анна ждет гостей. Наверняка засидятся за полночь, потому что завтра суббота, и никому никуда не надо спешить. В такой обстановке отвлечься на пару минут, отправить письмо еще можно, а написать – уже нет. Так что пришлось сочинять послание для Руты с утра, по такому случаю Анна даже встала на целых полчаса раньше, и если это не подвиг во имя дружбы, то что тогда подвиг.

Утро – определенно не мое время, печально думает Анна. Подняться, кое-как приоткрыв один глаз, – это я еще с грехом пополам могу. Отвести себя в душ, не уронив по дороге, проследить, чтобы кофе не сбежал на край света, прихватив с собой прабабкино сапфировое кольцо и семьсот литов, отложенные для квартирной хозяйки – предположим, тоже вполне возможно. Одеться – да запросто, хотя пару раз выходила из дома в тапочках, а однажды умудрилась забыть про юбку, хорошо, что спохватилась еще в подъезде. Но с творческими порывами дела поутру, прямо скажем, обстоят неважно. Какие-то они – э-э-э-э... – не шибко порывистые. Результат налицо.

В следующий раз надо просто написать два письма вечером, думает Анна. Или даже три, чтобы всегда был запас. Почему вчера не сообразила? Балдааа.

* * *

Еще утром знал, что сегодня все получится.

Спал почти до полудня, хотя вчера специально не стали допоздна засиживаться за разговорами, чтобы подняться пораньше. Но такие восхитительные снились на новом месте сны. Уже почти забыл, что так бывает – несколько упоительных жизней можно прожить за одну-единственную ночь, а потом, проснувшись от звона колоколов на рассвете, не выбираясь из-под одеяла, протянуть руку к столу, выпить полную кружку густой от холода воды, закрыть глаза и прожить все эти жизни еще раз, только лучше, вторая попытка – великая вещь. И, снова проснувшись, лежать на спине, с наслаждением вспоминая подробности, печалась об оставшихся на той стороне друзьях и любимых, радуясь при мысли, что уж они-то точно бессмертны, думать: я к ним когда-нибудь вернусь.

Рано или поздно вернусь, все остальное – неважно. Думать: но все это я, конечно, записывать не стану.

И совершенно точно знать: история, которую, в отличие от снов, будет можно и даже нужно записать, уже где-то рядом. Возможно, прямо за дверью. Ждет, когда я оденусь, выпью кофе и пойду куда-нибудь завтракать, чтобы там, на улице, выскочить на меня из-за ближайшего угла.

Значит, лучше бы мне поспешить.

Все это было настолько хорошо по сравнению с тем, что еще вчера считал своей жизнью, и даже без всяких сравнений – настолько хорошо, что смеялся, умываясь, брызгал горячей водой в лицо своему ошалевшему спросонок отражению. Оно кое-как увертывалось. Оба были совершенно счастливы, чего уж там.

Позавтракать забыл, весь день нарезал по незнакомому городу причудливые зигзаги, словно бы ведомый не одним, а большой компанией местных леших, доброжелательных к прохожим, но чертовски рассеянных, давным-давно позабывших все городские маршруты и нестройным хором восклицающих на каждом втором повороте: о-о-о-о-о-о, а что это у нас за улочка такая? Откуда взялась? Ну надо же!

По наущению все тех же леших несколько раз пил отличный кофе в маленьких неприметных забегаловках, съел восхитительный пирожок с творогом и грушей в полутемной кондитерской на одной из центральных улиц; несколько часов спустя снова зашел в эту кондитерскую, как впервые, купил точно такой же пирожок и подумал: кажется, так уже однажды было – полумрак, хрустящая корочка, бесхвостая деревянная лошадка в углу у входа, влажная сладкая начинка, монета в пять литов на зеленом блюде. Точно было.

Когда-то очень давно. Или во сне?

Конечно, во сне.

Спал наяву, что, к счастью, совершенно не мешало огибать препятствия, вежливо улыбаться девушкам в кофейнях, регулярно писать смс: «Все хорошо, гуляю» и даже дорогу переходить в положенных местах, поглядев по сторонам, сначала налево, потом направо, как в детстве учили.

Сказать, что думал на ходу, было бы неправдой. Скорее, переставал думать, отключал внутренние голоса один за другим, наслаждался сперва короткими паузами, а после – все более долгими промежутками тишины, полной или почти. И, когда ноябрьский воздух уже начал сереть и сгущаться, предвещая скорые сумерки, остановился как вкопанный, потому что на границе сознания и неопишуемой области горячей, трепещущей тьмы, расположенной – всегда

знал это совершенно точно – на изнанке сердца, замаячил смутный пока, но теплый и плотный силуэт, не призрак, не наваждение, не каприз фантазии. Живое, не вымышленное существо, за которое определенно можно уцепиться, потому что оно затем и пришло, чтобы ты схватил его обеими руками, держал крепко-крепко и не отпускал. Никогда, ни за что.

Пройдя еще несколько кварталов, понял, что существо – женщина. Кажется, лет тридцати, или около того. Определенно рыжая. С медовыми, под цвет волос глазами. Сейчас, поздней осенью, она носит сумеречно-синее пальто в пол, тяжелое, но чертовски элегантное. Она откуда-то знает, что сумерки ей к лицу, сама придумала или кто-то однажды сказал, и...

Так, стоп. Вот теперь надо сесть и записать. Сумерки к лицу – это сейчас самое важное. Такие вещи нельзя бесконечно крутить в голове, потому что уже через четверть часа фраза надоест, покажется глупой и тяжеловесной, и тогда все пойдет прахом, а мне нельзя прахом, только-только восстал из него, не хочу туда больше, ну уж нет.

Огляделся – где бы присесть? Увидел спорт-бар на углу, с летней верандой у входа. Везде уже давным-давно убрали уличные столы, а тут они еще стоят, погребенные под грудями опавших листьев, и если это не добрый знак, то что тогда.

* * *

Надо же, думала Анна. Знала бы, что так рано сегодня освобожусь, не угрохала бы все утро на дурацкое письмо. С другой стороны, что сделано, то сделано. С третьей стороны, никто не мешает мне написать его заново, времени у меня еще море. Ребята раньше семи совершенно точно не придут. Сколько сейчас? Надо же, пяти еще нет. А сумерки уже такие густые, что споткнуться можно об эту синеву.

И тут же споткнулась – не об сумеречную синеву, конечно, всего лишь о темно-синее пластиковое ведро – ветром его, что ли, унесло? А бабульки-цветочницы чего ушами хлопают? Впрочем, нет, не хлопают, мечутся, как курицы, не видят в потемках, куда укатилось ценное имущество, придется выручать. Отнесла ведро хозяйке и получила столько благословений, что их должно было с лихвой хватить на очень длинную, умеренно грешную жизнь, которую Анна себе как раз

недавно запланировала. Очень удачно все сложилось.

Чрезвычайно довольная собой, ведром, будущими прегрешениями и прочими обстоятельствами, Анна свернула на улицу Беатричес, чтобы добраться до дома кратчайшим путем.

* * *

Только усевшись, вспомнил, что одет в пижонское белое пальто. В полдень оно казалось не просто подходящей, а единственно возможной одеждой для предстоящей прогулки, а сейчас наконец стало ясно, что идея была в высшей степени дурацкая. Впрочем, черт с ним, почистить пальто гораздо проще, чем, ни капли не расплескав, донести рыжую сумеречную женщину – не то что до дома, а хотя бы до следующего угла. Или, того хуже, писать о ней в душном помещении, заполненной чужими голосами и запахами. Потом, возможно, очень скоро наступит момент, когда писать можно будет вообще где угодно, в любых условиях, хоть в привокзальной пивной, хоть в общем вагоне, хоть посреди жующей и гогочущей ярмарки. Но не сейчас. Узкая, тихая, непроезжая улочка, свежий ветер и тишина – именно то, что требуется.

Решил – если работники кафе поинтересуются, что я тут делаю, закажу что угодно, на их выбор, лишь бы отстали.

Но никто, конечно, так и не вышел. Обслуживать психа, рассеявшегося на летней веранде в середине ноября – ищи дураков.

Вот и славно. Вот и договорились.

Несколько минут спустя знал о рыжей женщине в синем пальто гораздо больше, чем можно успеть записать за полчаса – дольше сейчас на улице все же не высидишь. Но это как раз не беда, можно конспективно, по пунктам, забыв о знаках препинания и сокращая слова, чтобы успеть за собой; особого практического смысла в этом нет, внезапно открывшиеся подробности и без конспекта вряд ли вот так сразу забудутся, но остановиться совершенно невозможно, такое это оказалось счастье – торопливо, вздохнув писать.

Краем глаза заметил, как мимо прошла женщина в синем пальто, из-под капюшона выбивались кудри, кажется, действительно рыжеватые; в сумерках, впрочем, толком не разберешь. Удовлетворенно буркнул себе под нос: «Ага, есть». Подобные совпадения давно перестали казаться счастливой случайностью, они стали почти обязательными событиями, всякий раз сопровождающими рождение нового текста, надежным свидетельством, что все идет как надо; впрочем, оно всегда идет как надо – если вообще хоть как-то идет.

* * *

А вот с этого места, – пишет Анна, – пожалуйста, читай очень внимательно. И, если получится, верь мне. Очень хочу обо всем этом поговорить. А кроме тебя – совершенно не с кем. Не будь тебя, я бы сейчас, наверное, взорвалась. А так напишу и, скорее всего, уцелею.

Сперва придется покаяться. Историю про «белого человека» я выдумала нынче утром. Обычно я пишу тебе по вечерам, как мы и договаривались. Рассказываю о том, что случилось за день, если и привираю, то совсем чуть-чуть, не по сути, а по мелочам, для красного словца, чтобы интересней было читать. Но сегодня у меня намечаются гости. По моим прогнозам – допоздна, если не вовсе до утра. И я вдруг сообразила, что засесть при них за письмо вряд ли получится, поэтому лучше сделать это заранее, то есть прямо с утра.

Легко сказать – лучше. Когда это у меня с утра голова работала?

Поэтому сперва я просто пялилась на экран как баран на новые ворота – о чем писать-то? За ночь ничего выдающегося не случилось, даже снов толком не помню – как всегда, когда просыпаюсь по будильнику. В общем, гуманитарная катастрофа.

Тогда я решила писать все, что придет в голову. Любую чепуху. И сама не заметила, как сочинила историю про человека в белом пальто, который якобы сидел и писал о том, как мимо иду я, вся такая прекрасная. А я, дескать, подглядела, и возрадовалась – сумерки мне к лицу! Ну надо же! Всем комплиментам комплимент.

Написала, перечитала. Мне показалось – полная ерунда. Низачем и ни о чем. Но переписывать уже не было времени, так что я быстренько посыпала голову пеплом и, не отряхнувшись, убежала на работу. Которая, к слову сказать, закончилась на полтора часа раньше, чем я планировала, так что, получается, можно было не суетиться. Но что сделано, то сделано.

И вот иду я домой. И, как всегда, сворачиваю на Беатричес, потому что это, как ни крути, самая короткая дорога, а я уже и так набегалась по самое немогу.

И – слушай.

Там действительно был этот человек. Блондин в белом пальто, загорелый и безмятежный. С белым же ноутбуком. Действительно сидел на стуле у входа в мое нелюбимое кафе, даже листья не стряхнул, все как я с утра сочинила.

На этом месте меня так и подмывает красиво приврать – дескать, остановилась, подсмотрела, что он там пишет, и увидела ту самую фразу про сумерки, которые мне якобы к лицу. Но Рутка! Какое там подсмотрела. Я так испугалась! Сама толком не знаю, чего. Но очень сильно. Настолько, что появление нетрезвого маньяка с окровавленным топором меня бы здорово успокоило. Но такой уж вредный народ эти маньяки с топорами, когда позарез нужны, не доищешься.

Поэтому я просто прибавила шагу. И только когда свернула за угол, на Якшто, немножко перевела дух. Но пошла еще быстрее. Если совсем честно, то побежала. Хотя за мной, конечно, никто не гнался. Да и с чего бы.

Пока во всей этой истории мне понятно только одно: я теперь еще долго не буду ходить по Беатричес. Потому что, если этот белый человек, которого я сдуру придумала, теперь будет сидеть там всегда, я ничего не хочу об этом знать. А если, наоборот, исчезнет и больше никогда не появится, об этом я знать не хочу тоже. Понятия не имею почему. Не хочу, точка.

* * *

Руки так окоченели на ноябрьском ветру, что не согрелись даже в теплых карманах пальто. Когда вошел в дом, негнущиеся пальцы еле справились с пуговицами и шнурками.

Впрочем, все это ерунда.

В гостиной был встречен вопросительным взглядом – дескать, ну как? Торжествующе улыбнулся.

Сказал:

– Еще утром знал, что сегодня все получится.

Улица Вису Швентую (Visu Šventųjų[1 - В переводе – улица Всех Святых.] g.)

Все святые

– ...и вот идет она по городу в таком ужасе, что даже реветь не может, потому что – ну, ты прикинь, пятнадцать тысяч долларов, это и сейчас не то чтобы копейки, а в то время совершенно фантастическая сумма. Еще вчера были и вдруг пропали. В собственном доме, среди бела дня. И, получается, кто-то из своих взял, больше некому, чужие давно не заходили. И совершенно непонятно, на кого думать. А если хотя бы на минуточку предположить, что понятно, так еще хуже. Потому что если деньги взял муж, то пропали не только заветные тысячи, а вообще все. Ну, ты понимаешь ее логику, да? Зачем нормальному, непьющему мужику тайно уносить из дома собственные доллары, если не ради побега со смуглой красоткой-разлучницей в какую-нибудь знойную Аргентину или на худой конец Варшаву. И вот идет она с такими замечательными мыслями, сама не знает, куда и зачем. Говорила потом, моталась полдня по городу, просто чтобы с ума не сойти вот так сразу, без подготовки, а растянуть удовольствие хотя бы до вечера. Пока переставляешь ноги и следишь, чтобы под машину не угодить, ты, получается, вроде как при деле, и это помогает держать себя в руках... Короче, неважно. Шла себе и шла. И вдруг услышала, как за ее спиной какая-то женщина говорит: «...еще со вчера лежит в холодильнике...» И мама тут же все вспомнила. В смысле как сама перепрятала деньги в холодильник. Накануне папа был на ночном дежурстве, а к маме пришла сестра, тетя Соня. И они под сплетни о родне уговорили бутылочку домашней настойки. Если не две. Потом тетя Соня ушла, а у мамы спьяну случился приступ паранойи. Уснуть не могла, думала,

куда деньги перепрятать. Она же все время, пока эти доллары в доме лежали, сама не своя была. Все прикидывала, как бы получше спрятать их от воров. И под мухой ее осенило. Завернула пакет в тряпку, положила в кастрюлю, сверху накидала кислой капусты, накрыла крышкой, поставила в холодильник и успокоилась – если и заберутся вору, в холодильник вряд ли полезут, разве только за выпивкой, а по кастрюлям шарить не станут, не до того. И легла спать, страшно довольная своей находчивостью. А поутру, проспавшись, полезла в шкаф проверять, на месте ли деньги – просто по привычке, она по сто раз на дню проверяла. А в шкафу их, понятно, уже не было. И мама сразу ударилась в панику, вместо того, чтобы сесть и спокойно подумать. И только когда кто-то на улице сказал про холодильник, она все вспомнила, бросилась домой и, понятно, нашла деньги в кастрюле. То есть эта история закончилась хорошо. Родители в конце концов купили дом – тот самый, на Конарского, где и сейчас живут; ну, неважно. Мама потом эту историю всем рассказывала, и соседка – жила рядом с нами такая бабушка Дайва, из тех чудесных старушек в шляпках с искусственными розами, кому с виду лет семьдесят, а начнешь их слушать, и кажется, что все пятьсот, ходячая история, разве только князя Гедиминаса в живых не застала, да и то не факт, может, просто к слову пока не пришелся... И вот она стала спрашивать – где, да где ты про холодильник услышала? Мама сперва не могла сообразить, но потом вспомнила, как свернула с Пилимо к храму Всех Святых, а там вроде бы еще раз свернула, и на этом месте бабушка Дайва понимающе закивала – дескать, ну конечно, по улице Вису Швентую ты шла, где еще и получить дельный совет, как не там. Мама эти слова мимо ушей пропустила, но не я. Мне же тогда двенадцать лет было, ты что! Самый подходящий возраст, чтобы такими вещами интересоваться. И уж я в баб Дайву вцепилась – что за улица такая, и как там совет получить? А ее и упрашивать особо не нужно было, любила поговорить. Оказывается, есть такая не то примета, не то просто городская легенда – если ищешь ответ на какой-то вопрос, хочешь узнать что-то важное или, скажем, совета спросить, иди на улицу Всех Святых, ходи по ней туда-сюда, думай свою думу и слушай внимательно, рано или поздно дадут тебе ответ человеческим голосом, главное не прохлопать, потому что повторять никто не станет. Ну, ты представляешь, что со мной сделалось?

Наконец пауза. Не потому, конечно, что Янка ждет моего ответа. Просто вспомнила про давно остывший чай. Но я все-таки говорю:

– Представляю. Каждый день с утра до вечера по улице Всех Святых гуляла?

Хохочет.

– Ну что ты. Не каждый, а только тогда, когда у меня появлялись жизненно важные вопросы. То есть примерно через день. И знаешь, что замечательно? Я всегда получала ответ. Хороший, простой и понятный, как будто жизнь – задачник для пятого класса, и я нашла способ подглядывать в конец, где все правильные ответы написаны. Вот честное слово, не вру. Загадаю, например, про какого-нибудь мальчика, так обязательно услышу, как где-то в конце улицы ругаются: «Дурак!» Или наоборот, восклицают: «Ах ты, мой хороший», – и сразу все про мальчика ясно. А когда влюбилась в одного красивого старшеклассника, услышала, как пьяный кричит собеседнику: «Ты кто? Я тебя не знаю!» И ведь чистую правду сказал, тот красавчик вообще не подозревал, что я, такая расчудесная, на свете есть, да и я его всего раз пять издали видела. А однажды обиделась на подружку, уж не помню, в чем там было дело, но переживала страшно, даже ночью редела, с утра не утерпела, вместо школы поехала в центр, по улице Всех Святых гулять, чтобы сказали, как теперь жить, и, знаешь, услышала тихий такой голос, совсем близко: «Не сердись». Как будто кто-то сзади подошел и лично мне на ухо шепчет, я даже чужое дыхание на шее почувствовала. Оглянулась, а не то что рядом, на всей улице никого. Вообще ни души. Ух как мне стало страшно! Но с подружкой помирилась, конечно. Сказали же: «Не сердись», – значит, нельзя... Ох. Я долго потом на Вису Швентую не решалась ходить. Но мое тогдашнее «долго» – это всего несколько месяцев, осенью я опять туда зачастила. Дала себе честное слово, что теперь с пустяками не сунусь, только про самое-самое важное спрашивать буду, но можешь себе представить, какое оно у меня тогда было, это «самое важное». То очередной мальчик понравился, то родителей в школу вызвать пригрозили, то в театральный кружок записывать не хотят... Короче, в один прекрасный день я услышала, как мужской голос говорит – очень, знаешь, таким сварливым тоном: «Отвяжись, надоела». И вот тогда я испугалась по-настоящему. И одновременно обиделась. Прогоняют, значит. Ну и ладно, подумаешь. Обойдусь. Ни за что больше сюда не приду, вот хоть убейте. И действительно не приходила несколько лет. Сперва боялась-обижалась, а потом просто забыла. Ну как, не то чтобы совсем забыла, а перестала придавать значение. В пятнадцать лет все, что с тобой происходило два года назад, кажется совершенной ерундой. Потом – тем более. Так что до двадцати я как-то дожила без подсказок. А потом влипла в историю, вернее, в несколько историй сразу, одна другой веселее... Ой, да что я тебе рассказываю, ты же знаешь, за кем я была замужем. Короче, я сейчас даже не могу вспомнить – нарочно я тогда отправилась на Вису Швентую за советом или случайно мимо шла. Жила как в тумане, дома – ад, и куда ни пойдешь, таскаешь этот ад за собой,

как улитка раковину... В общем, так или иначе, а свернула я на улицу Всех Святых и почти сразу услышала, как кто-то говорит: «Всего на три года уезжала, а вернулась – такие перемены, ничего не узнать». Вроде бы обычная реплика, да? Но я совершенно точно знала, что это было сказано только для меня. Я, сам понимаешь, не раз думала, что надо просто взять и уехать куда глаза глядят. Это в городе меня найти проще простого, а мир-то велик. Но никак не могла решиться. Не представляла, куда ехать, что я там буду делать и на какие шиши жить. Думала – совсем пропаду, здесь хоть какая-то крыша над головой есть и мама с папой рядом, ничем не помогут, так хоть пожалеют. И вдруг – как будто ведро воды на меня вылили. Мгновенно очнулась. Подумала – а что я теряю? Домой даже заходить не стала, благо документы всегда с собой носила. Отправилась к маме, сказала, что уезжаю, она на радостях все деньги, какие были в доме, собрала, но отдала мне только на вокзале, когда я в автобус садилась. И правильно сделала. С женами наркоманов иначе нельзя. Рано утром я уже была в Варшаве, оттуда поехала в Германию автостопом. И как-то все устроилось – и работу нашла, и на улице не осталась, я же немецкий неплохо знала и с людьми всегда легко ладила. А ад мой благополучно потерялся где-то на полпути к Мюнхену. В туалете на одной из заправок, я так думаю. Короче, долг маме я уже через четыре месяца вернула переводом, а дальше становилось только лучше, вот буквально с каждым днем все лучше и лучше, потрясающее было время. Я, конечно, помнила фразу: «всего на три года уехала», – а все равно не планировала возвращаться. От добра добра не ищут. Но тут, как раз примерно через три года после моего отъезда, заболел папа. Ничего страшного, как в итоге оказалось, но я так перепугалась, что поехала его навещать. И вдруг выяснилось, что владыка моего ада давным-давно исчез. Не то укатил в Индию, как всегда мечтал, не то мерцающие астральные сущности его, такого прекрасного, похитили, понятия не имею, потому что больше никто никогда его не видел. И, по мне, так гораздо лучше, чем если бы он просто умер, как все предсказывали, я – за открытый финал. И от его чудесного исчезновения я пришла в такой восторг, что сама не заметила, как восстановилась в университете, мне же совсем немного доучиться оставалось. А потом вдруг объявились знакомые немцы с очень интересными предложениями, и все у нас так занятно завертелось – до сих пор, собственно, вертится, ты знаешь... Давай ты теперь заваришь чай, а я соберусь с мыслями. Потому что не представляю, как рассказать, что было дальше. Но лопну, если не расскажу.

За время моего отсутствия Янка успела пересесть из мягкого кресла на стул, зачем-то застегнула пиджак и, кажется, даже губы подкрасила.

– Это чтобы сосредоточиться, – отвечает она на мой невысказанный вопрос. – Когда спина прямая, я почему-то лучше соображаю. А если застегнуться на все пуговицы, речь становится более внятной, проверено практикой. Все это сейчас очень-очень важно, скоро поймешь почему.

Киваю – дескать, ладно, пойму. Разливаю чай, протягиваю ей чашку. Терпеливо жду.

– Значит так, – наконец говорит Янка. – Смотри, как обстояли мои дела. С одной стороны, я очень хорошо помнила, почему решила уехать. И отдавала себе отчет, что это был самый правильный поступок в моей жизни. И не пыталась делать вид, будто приняла решение сама, без подсказок. Моя благодарность голосу, прозвучавшему в тот день на улице Всех Святых, была и остается безграничной. С другой стороны, я туда больше не ходила. В моей жизни не осталось вопросов, ответы на которые я не могла бы получить самостоятельно. Вот и старалась не беспокоить по пустякам. Не знаю, кого именно. Но – не беспокоить по пустякам, точка. В машине, конечно, не раз там проезжала, но это, думаю, не считается. А однажды, года полтора назад, я туда все-таки пошла. Совершенно сознательно пошла. Я хотела сказать наконец «спасибо». Вернее, подумать «спасибо». Решила – если даже вопросы там вслух произносить не нужно, уж «спасибо»-то мое тем более услышат. Опять же не знаю кто. Но услышат, факт. И вот иду я по Вису Швентую, старательно думаю свое «спасибо-спасибо-спасибо» и заодно глазею по сторонам – пасмурно, но очень светло, как только весной бывает, почки на деревьях вот-вот взорвутся и от этого в воздухе такая неуловимая зеленая зыбь, а значит, скоро будет совсем тепло, зацветут вишни, черемуха, сирень, а потом наступит лето, и как же будет хорошо... И тут я осознаю, что говорю это вслух. То есть не все подряд, а только одну фразу: «Как же будет хорошо». Заткнулась, конечно, смутилась страшно, покосилась по сторонам – как там народ, не шарахается от сумасшедшей бабы? Но вокруг никакого народа не было, только впереди девушка шла, и это еще вопрос, кто из нас сумасшедшая баба, потому что она вдруг как подпрыгнула! И помчалась куда-то, размахивая руками и смеясь. А я, наоборот, остановилась. Потому что – ну, ты понимаешь, о чем я подумала.

– Что девушка по улице Всех Святых не просто так шла?

– Ну да. Я еще вспомнила, как она медленно плелась, еле ноги переставляла. Сперва далеко впереди была, а я ее за минуту почти догнала, хотя никуда не спешила. И вдруг – такое ликование. Я же себя тоже примерно так вела

в школьные годы, когда ходила на Вису Швентую узнавать про мальчиков и контрольные. И хихикала, и верещала, и подпрыгивала. А кого, собственно, стесняться – неведомых голосов, которые и так знают, что у меня на уме?.. В общем, я долго потом об этом происшествии думала. И, в конце концов, решила – отлично все получилось. Какая разница, я это сказала, или еще кто-то? Если у девицы действительно был какой-то вопрос к мирозданию, она получила самый прекрасный ответ, какой только можно вообразить.

Янка улыбается и одновременно тяжело вздыхает. Черт знает, как это у нее получается.

– В следующий раз я попала на Вису Швентую примерно месяц спустя, совершенно случайно. Ну, то есть не с какой-то возвышенной целью, а только потому, что это был кратчайший маршрут от русского книжного, куда я зашла за журналами, до чайного клуба на Базилиону, где меня ждали коллеги; мы туда, знаешь, ходим по пятницам после работы, вместо того, чтобы надираться пивом в ближайшем баре, как все приличные люди. В общем, я задержалась в книжном, страшно переживала, что чай закажут без меня – они же совершенно не разбираются, выберут не пойми что! – рванула чуть ли не бегом, кратчайшей дорогой. И тут заголосил телефон, мама решила посоветоваться, ехать ей к куме в деревню на выходные, или холодно еще, и я громко – ну, потому что шумно на улице, машины ездят – заорала в трубку: «Обязательно поезжай, там хорошо!» Спрятала телефон в карман и чуть не налетела на тетку, которая шла впереди и вдруг внезапно остановилась как вкопанная.

Я в последний момент как-то изловчилась, обогнула препятствие и услышала, как она шепотом, почти про себя, повторяет мои слова: «Поезжай, там хорошо». И чуть не расхохоталась вслух – ну надо же, опять! – но, конечно, сдержалась. И весь вечер об этом думала – пока чай пила и потом, перед сном. И даже на следующее утро. И, знаешь, ничего путного не придумала, но радовалась как дура. Вот просто счастлива была, что так все совпало, и мой голос снова кому-то что-то подсказал. И пришла от этого в такое вдохновенное настроение, что вечером уже специально поехала в центр, припарковалась прямо на Вису Швентую и принялась там бродить туда-сюда. Не то чтобы я планировала

регулярно выкрикивать: «Все будет хорошо», – и любоваться произведенным эффектом. Как раз наоборот, твердо обещала себе помалкивать. И ни о чем не спрашивать. Просто хотела там побывать. Побывать. И все.

Янка снова улыбается, тянется за сигаретами, берет одну, крутит в руках, смотрит с рассеянным интересом, похоже, не может вспомнить, что обычно делают с этими штуками. Продолжает.

– И понимаешь. Вроде бы ничего особенного в тот вечер не произошло. Я сама помалкивала и никого ни о чем не спрашивала, даже мысленно. И не было никаких голосов, никаких пророчеств. Только где-то все время играла музыка. Труба или что-то в таком роде, я не разбираюсь. И, похоже, не в записи, а живьем. Ничего сверхъестественного, конечно. Кто-нибудь репетировал у открытого окна, весной они у всех нараспашку. Но знаешь, если бы я задала вопрос, это был бы очень внятный ответ. Поэтому теперь, задним числом, можно считать, что вопрос я все-таки задала, просто сама не заметила. Неважно. Но когда я села в машину, чтобы ехать домой, уже понимала, как будет дальше. В смысле как мне теперь себя вести и что делать. И как к этому относиться. Правильный ответ: да как получится. Как бог на душу положит. Универсальная формула. Поэтому я просто живу себе дальше, как всегда жила. Каждый день по Вису Швентую с пророчествами не мотаюсь, ты не думай. Но и не избегаю ее специально, как раньше. Если по дороге, сворачиваю туда, почему нет. И если, пока иду, у меня звонит телефон, я, конечно, отвечаю, не откладывая: «посмотри в шкафу», «не забудь, о чем мы утром говорили», «беги туда немедленно», «не спеши с этим делом пока», – короче, что требуется по обстоятельствам, то и говорю, не задумываясь о последствиях. А если вдруг обнаруживаю, что, замечтавшись, брякнула что-то вслух без всякого телефона, не беру в голову. Сказала – и сказала, чего уж теперь. С кем не бывает. Я не всемогущий оракул, не пророк, ответственный за счастье суеверной части виленского человечества. Просто человек, который иногда проходит по улице Всех Святых и говорит что-то вслух. Может быть, кто-то услышит мой голос и примет его на свой счет, а может, нет. Неважно. Совершенно неважно, потому что нас великое множество – тех, кто порой что-то говорит, и тех, кто слышит, и тех, кто не слышит. Был бы музыкант, а дудка всегда найдется, уж если ему приспичит, возьмет первую попавшуюся и сыграет. Я, конечно, очень счастливая дудка – не потому что играю лучше прочих, а потому, что точно знаю – музыкант есть. Понятия не имею, кто он, что за пьесу играет и почему выбрал для концерта именно улицу Вису Швентую, а не какую-нибудь еще. И даже вообразить не могу, как звучит вся мелодия целиком. Но пока он играет, почему бы мне, как и всем остальным, не быть под рукой.

Улица Вокечю (Vokieciu g.)

До луны и обратно

– Какой странный подарок, – говорит Тимо. – Превосходная работа. Сова, восседающая на циркулях, – удивительный сюжет, в жизни ничего подобного не видел. А фигура старика под циферблатом даже слишком хороша. Блестящая работа скульптора, неумело прикинувшаяся декоративным элементом. Знаешь, что у него в руке? Это не серп, а специальный виноградарский нож для подрезания лозы. Похоже, тут изображен сам Кронос, причем на раннем этапе своей карьеры, когда он был простым крестьянским богом, ответственным за сбор урожая. Уникальная вещь. Однако – часы? Мне? Да еще такие большие? У меня в жизни не было настенных часов. Только будильник на тумбочке. А теперь все тот же будильник, но в телефоне, и хватит с меня. В семьдесят восемь лет человек окончательно перестает нуждаться в постоянном напоминании о ходе времени. Как тебе пришло в голову?..

К этому вопросу Натали хорошо подготовилась.

– Во-первых, это страшная месть за то, что ты не хочешь на мне жениться.

– Так я же хочу, – напоминает Тимо. – Еще как хочу! Но не могу. По техническим причинам. Будь я хоть на десять лет моложе...

– Неважно почему. Не женишься, и точка. Поэтому я решила проникнуть в твою спальню столь изощренным способом. Эти часы много лет тикали в изголовье моей кровати, а теперь будут висеть над твоей, и не вздумай снимать, всерьез обижусь. Отныне в твоём доме всегда будет мое время, и делай что хочешь.

– Твое время? Такая постановка вопроса не приходила мне в голову, – оживает Тимо.

– Это еще не все. Смотри внимательно. На стрелки смотри.

– Погоди-ка, – растерянно говорит Тимо. – Мне не мерещится?
Они действительно идут назад?

– Очко команде знатоков! И всегда на моей памяти так шли. Три дюжины старых и мудрых виленских часовщиков пытались их починить, никто не справился, и я решила оставить как есть.

– Неужели действительно три дюжины?

– Конечно, нет, – смеется она. – Всего четверо. Но, согласись, тоже неплохое число.

А вот это неправда. Натали никогда не пыталась починить эти часы. В голову не пришло бы с ними возиться. Она вообще не понимала, зачем их купила.

Как и Тимо, Натали большую часть жизни довольствовалась древним будильником, на глупую звонкую голову которого обрушивались ежеутренние проклятия многих поколений ее семьи. А позолоченные наручные часики, подаренные дядей на совершеннолетие, надевала только в дни семейных торжеств, чтобы порадовать дарителя. Все остальное время подарок лежал в тумбочке. Натали так и не смогла привыкнуть к обновке, постоянное тиканье путало мысли, сбивало с толку, навязывало свой монотонный, гипнотический, невыносимый, в сущности, ритм. И прекрасно жила без часов до сорока с лишним лет, когда вдруг осталась совершенно одна и с кучей денег.

Муж при разводе обошелся с Натали, как говорится, по-божески: оставил ей не только огромную квартиру в Старом Городе, но и телефонный номер своего приятеля риэлтора, который почти бескорыстно помог продать хоромы за хорошую по тем временам цену и купить крошечную студию в Ужуписе, еще не вошедшем в моду и, следовательно, довольно дешевом районе. И банк надежный присоветовал для помещения капитала – сумма, оставшаяся у Натали на руках после операций с недвижимостью, казалась ей огромной и скорее пугала, чем радовала. Положив деньги в банк, она более-менее успокоилась и стала учиться жить заново, как учатся ходить после тяжелой болезни.

Это была очень странная жизнь. Вовсе не такая плохая, как мерещилось Натали, когда Роберт внезапно объявил о предстоящем разводе и своем скором отъезде.

Натали никогда не любила мужа, во всяком случае, не испытывала ничего похожего ни на чувства, описанные в соответствующих романах, ни на дикую смесь радостного возбуждения и почти невыносимой душевной муки, сопровождавшую ее собственную первую юношескую влюбленность. Но она была очень привязана к Роберту, привыкла, что муж всегда где-то рядом, надежный, как лапландский Гранитный Вал, одним своим присутствием отменяющий проблемы, печали, радости и, кажется, саму жизнь в обмен на восхитительное ощущение полной безопасности и гарантированного покоя. А тут вдруг не то что привычной скальной породы – рыхлой земли под ногами не осталось, болтайся, как хочешь, в полной пустоте, которая, наверное, и есть свобода, красивое книжное слово; кто бы мог подумать, что это – так.

Поначалу Натали именно что болталась. У нее были время, деньги, крыша над головой и умопомрачительный вид из окна, а больше ничего – ни друзей, которых как-то незаметно отменил Роберт, ни детей, которых они оба никогда не хотели, ни работы, ни мало-мальски востребованной профессии. Какому психу-работодателю может понадобится сорокадвухлетний искусствовед, автор одной-единственной бестолковой статьи, опубликованной еще во время учебы? Натали уж на что была наивна, но особых иллюзий насчет трудоустройства не питала.

Все, что можно было сделать в сложившейся ситуации, – это как можно экономнее расходовать положенные в банк деньги и постараться не очень долго жить, чтобы не нищенствовать в старости. Натали очень хорошо это понимала, но совершенно не видела смысла вести себя благоразумно. Роберт преподавал ей отличный урок: планировать будущее бессмысленно, подчинять ему свое настоящее – самоубийственная глупость. Натали решила, что в этом зыбком мире, где все по-настоящему важные события случаются внезапно и беспричинно, даже не пытайся казаться следствиями хоть каких-то твоих поступков, слов и ошибок, можно позволить себе все, чего захочется. Наряды? Да какие угодно. Путешествия? Да хоть на край света. Икра и лангустины на ужин? Да хоть лопни.

Но это была теория. На практике Натали целыми днями сидела в своей новой квартирке, перечитывала любимые книги и ждала, когда ей чего-нибудь захочется. Если не в Париж, то хотя бы покрасить ногти.

Но ей, конечно, так ничего и не захотелось.

Похоже, я уже давно живу под знаком Сатурна, думала Натали, листая новую, скверно изданную, невесть как затесавшуюся в их тщательно подобранную библиотеку «Энциклопедию Символов»: «Злое влияние Сатурна приносит страх перед жизнью, скуку, неприспособленность, медлительность, лень, угрюмость, уход в себя, одиночество, печаль». Как про меня написано, думала Натали. Как будто кто-то долго наблюдал за мной, а потом пошел и записал все, как есть. Ей это очень не нравилось.

«У алхимиков Сатурн считался знаком Свинца – основы их искусства, низкого металла, потенциально содержащего в себе золото, – продолжала читать Натали. – Человеку, сумевшему противостоять его дурному влиянию, Сатурн дарует зрелость разума, волю и рассудительность».

Ладно, сказала она себе. Значит, противостояние хотя бы теоретически возможно. Вот с этого и начнем.

Натали по-прежнему ничего не хотела, но твердо решила, действовать, не дожидаясь вдохновения. Вот прямо сейчас.

Тут очень кстати оказалась выработанная годами потребность в привычном распорядке. Натали придумала немудреный, но дисциплинирующий режим: вставать не позже восьми, поддерживать дом и себя в чистоте, готовить еду – не впрок, на неделю вперед, а понемножку, в маленькой кастрюльке. И, если уж новомодные спортзалы вызывают стойкое отвращение, побольше ходить пешком. Просто гулять по городу, но – в любую погоду, не меньше трех часов. Больше – можно.

Поначалу прогулки казались Натали сущим мучением, но она быстро сообразила, что следует отказаться от каблуков, и втянулась, а ближе к середине весны осознала, что стала получать удовольствие от неспешной ходьбы по цветущему городу. Вдруг вспомнила, что зрелища, запахи и звуки когда-то были важной частью ее жизни. Принялась рассматривать лица и одежду прохожих, подслушивать разговоры, глазеть на мелкие уличные происшествия, сворачивать во дворы, мимо которых всю жизнь проходила, не испытывая ни малейшего интереса.

Все это еще не было настоящей жизнью, но стало неплохим подготовительным упражнением. Однажды она поймала себя на слабом, но явственном желании

заглянуть в новое, только что открывшееся кафе, тут же зашла и на радостях сделала самый беспотолковый заказ в своей жизни: кофе, который терпеть не могла, и пирожное, хотя никогда прежде не ела сладкого. Впрочем, ей вполне понравилось и то и другое, такой уж был удивительный день. Я просто становлюсь кем-то другим, думала Натали. Какой-то незнакомой женщиной, о которой пока ничего не известно, кроме того, что она любит кофе, а значит, совершенно точно не похожа на меня. И как же это, честно говоря, хорошо.

Кофе Натали любит до сих пор. Вот и сейчас, распрощавшись с Тимо, который в последнее время начал слишком быстро уставать, она не мчится домой, где в темном углу за письменным столом затаилась страшная хищная Срочная Работа, а сидит в кафе на Вокечю. То есть не в самом кафе, тесном и уже сейчас, в мае, душном, а снаружи, на заставленном бесчисленными столиками бульваре. Кофе здесь не то чтобы хорош. Откровенно говоря, совсем фиговый у них кофе, как во всякой нормальной пивной. Но – восхитительно шумный бульвар. Но – мутный перламутр вечерних облаков над головой. Но – нагретый недавно закатившимся солнцем, еще влажный от короткого послеполуденного дождя деревянный стул. Но – сокрушительный запах мокрой сирени из окрестных дворов. И никакой срочной работы, по крайней мере, здесь и сейчас. Мало ли что будет потом, дома. Будущего вообще нет, весело думает Натали. И одновременно, противореча себе, бормочет под нос: «Грядущее свершается сейчас». И то и другое – чистая правда. Этим вечером. Для нее.

От возбуждения Натали болтает ногами и размахивает руками, дирижируя одной лишь ей слышным сводным хором всех майских ветров. Дамы, сидящие за соседним столиком, неодобрительно на нее косятся. Очень солидные, представительные дамы, даже бокалы с пивом выглядят в их руках как переходящие кубки за успехи в мелкобуржуазном домоводстве. А ведь они младше меня, думает Натали. Лет на десять, пожалуй. Совсем, можно сказать, психушки. И, обнаружив в своей голове это дурацкое слово, тоненько, по-детски хихикает вслух от неожиданности.

Тогда тоже был май, и Натали, гуляя по цветущему, всеми ветрами обласканному городу, все чаще видела, как улыбаются ее отражения в витринах. Та, другая женщина, обитающая в блистающем застекольном мире, с каждым днем нравилась ей все больше. Иногда Натали подходила поближе, делала вид, будто разглядывает выставленные товары, а на самом деле пытливо

всматривалась в собственное отражение. Кто ты такая? – думала она. – И кто такая я? Мы действительно одно и то же? Хорошо, если так.

Антикварная лавка на бульваре Вокечю только потому и привлекла внимание Натали, что стекло в ее витрине было толстое, двойное, причудливо искривленное временем. И отражение получилось непростое: многослойное, текучее, переменчивое, несколько почти не похожих друг на друга затуманенных лиц, множество рук, гибких, тонких и толстых, а в том месте, где положено быть сердцу, располагались большие настенные часы – одни на всех. Натали глядела на них, как замороженная, не понимая – откуда взялись? У меня же нет ничего, кроме сумки. Потом, конечно, поняла, что часы не отражаются, а просто стоят за стеклом. Она сделала шаг в сторону, намереваясь уйти, и ощутила непривычную пустоту в груди, как будто оттуда только что извлекли нечто теплое и тяжелое, а взамен ничего не положили. Почти испугалась, почти обрадовалась неизвестно чему, и, запутавшись в этих противоречивых чувствах, сама не заметила, как вошла в лавку.

По законам жанра, за прилавком должен был стоять ветхий старик со следами былой импозантности на поношенных лице и костюме, но там хозяйничала совсем юная барышня, полная и румяная. От смущения Натали зачем-то поинтересовалась ценой выставленных в витрине часов. Оказалось – сущие копейки. Красивая интерьерная вещь, но не то чтобы ценная для коллекционеров, к тому же относительно новая, двадцатые годы... кажется... Папа что-то такое говорил, – щебетала продавщица. Кроме того, часы не совсем исправны. Впрочем, их, конечно же, можно починить, и вряд ли ремонт обойдется дорого, механизм совсем простой, никаких секретов старого мастера; оно и к лучшему.

Натали растерянно слушала, кивала в нужных местах. Зачем-то полезла в сумку за кошельком. Пересчитала деньги. Отдала. Из лавки она вышла, прижимая к груди тикающий сверток. К тому месту, где положено быть сердцу.

Натали была так удивлена собственной выходкой, что даже не стала корить себя за бессмысленную трату. Допустим, я просто потеряла кошелек, решила она. И закрыла тему.

Только дома Натали поняла, в чем, собственно, заключается обещанная «не совсем исправность». Часы шли назад. Некоторое время она провела, сверяя их ход с верным будильником, чудом пережившим ее студенчество, замужество,

развод и несколько соответствующих переездов. И выяснила, что часы еще и спешат. Или отстают? В общем, их стрелки бежали назад значительно быстрее, чем стрелки будильника – вперед. Вот уж действительно, простой механизм. Никаких секретов старого мастера, думала Натали. Более бестолкового предмета в жизни не видела. Зато красивые! Причудливый узор, образованный птицами, похожими на сов, и тонкими, ломкими циркулями. Под циферблатом – старик с серпом в руке, глядит строго, но, похоже, доброжелательно. Вполне можно с ним поладить, подумала Натали. Пусть присматривает за мной, раз больше некому.

Она окончательно развеселилась и повесила свое дурацкое приобретение над кроватью; впрочем, в ее крошечной студии куда ни повесь, все равно получится в той или иной степени над кроватью – если только не прямо над плитой. Будильник же убрала в шкаф – неслаженное хоровое тиканье действовало ей на нервы. А ежеутренний звон можно услышать и оттуда. Поди его не услышь.

Натали опасалась, что звонкий, торопливый ход новых часов не даст ей спать, однако он, напротив, успокаивал, утихомиривал мысли, замедлял дыхание, маленький ночной мир кружился под закрытыми веками, как разноцветный зонт Оле-Лукойе, как детская карусель с лошадками, как старый калейдоскоп в расслабленных руках. Натали уснула, едва ее голова коснулась подушки, а проснулась на рассвете, задолго до звона будильника, от острого ощущения счастья. Она никогда прежде, даже в детстве не испытывала ничего подобного, но сразу поняла, что это – именно счастье и есть. А как еще назвать самое замечательное, что только может твориться внутри человека без каких бы то ни было видимых причин?

Жизнь, сказала она себе, поставив на плиту чайник. Похоже, это и есть та самая жизнь, о любви к которой так часто пишут в книгах. Всегда думала, они... э-э-э... несколько преувеличивают. Теперь – верю. Интересно, так будет всегда?

Было, конечно, по-разному. Особенно после того, как у Натали стали появляться новые знакомые, один из которых предложил ей поработать в только что открывшейся художественной галерее. Она, не раздумывая, согласилась и никогда, даже в минуты слабости, не жалела о своем решении. Прежде Натали не предполагала, что работа может быть настолько захватывающей. Конечно, невозможно непрерывно испытывать счастье, когда у тебя десятки дел, а вокруг постоянно крутится столько людей, что ими можно заселить целый

провинциальный городок. Но вполне достаточно каждое утро просыпаться счастливой, а там – как бог даст.

Пять лет спустя Натали отмечала свой сорок седьмой день рождения и принимала комплименты. Она знала, что друзья, уверяющие, будто ни за что не дали бы ей больше тридцати, почти не привирают. Придирчиво разглядывая себя в зеркале, думала: ну, пожалуй, все-таки больше. Чуть-чуть. Тридцать пять – максимум.

Впрочем, еще через пару лет Натали была вынуждена согласиться с окружающими – больше тридцати не дашь, действительно. Даже как-то неприлично настолько молодо выглядеть, думала она. Приятно, конечно, спору нет, но еще немного, и меня станут подозревать в подделке документов. И как, интересно, я стану выкручиваться?

Она-то давно начала догадываться в чем дело. Собственно, уже в самое первое утро знала, что за часы ей достались, просто поначалу старательно прятала это знание от себя. И теперь прекрасно понимала, что следует продолжать в том же духе, по крайней мере, вслух о часах даже не заикаться. Все равно никто не поверит в такую чушь, только славу новой городской сумасшедшей наживешь.

А потом Натали познакомилась с Тимо.

Кофе выпит, но Натали пока не хочется идти домой. Она заказывает бутылку газированной воды, медленно переливает в стакан звонкую смешливую влагу. Достает сигарету, прикуривает, косится на окно кафе – как там ее отражение? Тоже закурило? Вот и молодец.

Стекло, конечно, давным-давно не то. Новые владельцы помещения первым делом заменили окна, и только потом принялись за полы и стены. Интересно, думает Натали, хоть кто-нибудь кроме меня помнит, что на месте этого кафе когда-то была антикварная лавка? Возможно даже, самая первая в городе. Или нет? Ай, неважно. Первая, двадцать пятая. Главное, что она была.

Кафе на месте лавки получилось не слишком удачное. По крайней мере, совершенно не в ее вкусе. Потому и процветает, что не в моем, язвительно думает Натали. Но – ладно. Она заходит сюда не слишком часто, но регулярно.

Пиво не любит, поэтому безропотно пьет скверный кофе, или просто газированную воду, как сейчас. Это называется паломничество. Глупость, конечно, но для Натали – важно. Сегодня – особенно.

Если бы я знала себя немного хуже, заподозрила бы, что просто боюсь возвращаться домой, думает Натали. Где больше нет часов, и никакой разноцветной карусели на ночь, и сны самые обыкновенные, мои дурацкие пустые сны. Но – нет. Не боюсь. Я, похоже, больше вообще ни черта не боюсь.

Эй, с каких это пор ты у нас такая храбрая? – насмешливо спрашивает она себя. Впрочем, совершенно не имеет значения, с каких пор. Важно, что это – уже навсегда.

Натали машет рукой официантке, кладет на стол деньги, и уходит, победно размахивая сумкой, чтобы доставить удовольствие собственным отражениям, разбежавшимся по всем окнам и витринам бульвара Вокечю. Я люблю тебя, Тимо, думает она. Я люблю тебя до луны и обратно, как написано на чашке с глупыми прекрасными зайцами, которую ты мне подарил. Мы и сами те еще глупые зайцы, Тимо. Я люблю тебя. Все будет хорошо.

Это была любовь с первого взгляда, причем не на самого Тимо, а на его картину. В галерее, где работала Натали, решили устроить ретроспективную выставку «Пограничников», группы художников, известных в шестидесятые – семидесятые годы среди немногочисленных адептов так называемого неофициального искусства, но совершенно забытых сейчас. Затея с выставкой, в итоге, накрылась медным тазом, но несколько работ успели отыскать, привезти в галерею, и перед одной из них Натали стояла соляным столбом, забыв о времени, текущих делах, ежеминутно трезвонящем телефоне и даже неудобных новых туфлях, необходимость избавиться от которых стала очевидна примерно через полчаса после выхода из дома. Но какие уж тут туфли. Стояла, смотрела на смутный силуэт, текучий и подвижный, как ее отражения в кривых стеклах старых окон, звонкий, как льющаяся в стакан вода, сияющий, как вишневый цвет, озаренный предзакатным солнцем. Наконец спросила коллегу: интересно, художник еще жив? Еще как жив, последовал ответ. Невероятный старик, теперь таких не делают.

И прежде таких не делали, думала Натали в тот вечер, когда впервые возвращалась домой от Тимо. И никогда не будут. Он, похоже, один такой на всем свете. Штучная работа. И глаза у него золотые – ну надо же. В жизни таких не видела.

Самые обычные карие глаза. Просто очень удачно выцвели – смеялся Тимо в ответ на ее восторги. Иногда время делает людям неожиданные подарки. Но забирает в любом случае гораздо больше.

Они сразу стали друзьями. Впрочем, Тимо утверждал – не просто сразу, а еще задолго до знакомства. Мы с тобой даже дышим в одном ритме, говорил он.

Как одно существо, зачем-то разделенное пополам. Глупые, бестолковые, заплутавшие во времени половинки. Всегда знал, что ты где-нибудь есть. Только не подозревал, что во внучки мне годишься. Как же не повезло.

На самом деле всего лишь в дочки, думала Натали. Но язык держала за зубами. Нелепо доказывать, что ты на добрых двадцать лет старше, чем кажешься. Еще более нелепо объяснять, почему так вышло: видишь ли, любовь моя, в один прекрасный день я зашла в волшебную лавку на бульваре Вокечю и сдуру купила там очень недорогие, но чрезвычайно чудесные часы, возвращающие своим владельцам молодость. А теперь, пожалуйста, помоги мне завязать рукава моей новой смирительной рубашки. Большое спасибо, дорогой друг.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

В переводе – улица Всех Святых.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/maks-fray/skazki-starogo-vilnyusa-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)